

Вместо предисловия

Пусть эта небольшая повесть
Всё тайное со дна души поднимет,
Заставит вас подумать и понять,
Что нету доблести превыше доброты.

Пусть эта небольшая повесть
Представится вам вроде пилигрима,
Который вам поведал тьму историй,
Чтоб, их узнав, вы сделали мудрей.

Пусть эта небольшая повесть
Заставит вас задуматься о ближнем
И, несмотря на множество преград,
Обучит вас науке милосердия.

Из Джона Беньяна¹

---

¹ В книге не раз упоминается знаменитый нравоучительный роман-аллегория писателя и проповедника Джона Беньяна (1628–1688) «Странствия пилигрима». На своём пути к самосовершенствованию сёстры подражают некоторым моментам из этой книги.

П и л и г р и м — странствующий богомолец, паломник к святым местам.

Глава I

Игра в пилигримов

— Ну что это за Рождество без подарков! — проворчала лежащая на ковре Джо.

— Ужасно быть бедным, — ответила Мег и со вздохом оглядела своё старое платье.

— Да уж куда хуже, — добавила маленькая Эми. — У одних девочек столько красивых вещей, что некуда девать, а у других вообще ничего нет!

Эми даже раскашлялась от досады.

— Ну, нам ещё не так плохо. У нас, по крайней мере, есть отец с матерью, да и живём мы все вместе, — отозвалась из своего угла Бет, и голос её звучал куда веселее, чем у остальных.

Услышав эти слова, девочки приободрились.

— Да, но папы-то с нами нет, — словно спохватилась Джо. — Когда мы теперь увидимся?

Тут все четверо снова затихли, и каждая невольно подумала о том, чего не сказала Джо: папа сейчас на войне¹, а значит, может вообще не вернуться.

Некоторое время сёстры молчали.

— Вы же знаете, почему мама не хочет, чтобы мы дарили друг другу подарки на это Рождество, — сказала наконец Мег. — Зима предстоит трудная. И мама считает, что, пока мужчины воюют, женщины не имеют права тратить деньги на удовольствия. Конечно, от нас мало что зависит. Но будет справедливо, если мы пойдём на небольшие жертвы. Мама говорит, что такие жертвы должны приносить радость, но я... что-то не особенно радуюсь.

---

¹ Имеется в виду Гражданская война между Севером и Югом (1861–1865 гг.), положившая конец рабству в США.

И, вспомнив, какие прекрасные вещи дарят обычно на Рождество, Мег грустно покачала головой.

— Да уж, невелика от нас польза: у каждой наберётся не больше доллара. Вряд ли армия разбогатеет от таких пожертвований. Впрочем, я обошлась бы в этом году без подарков. Но мне так хочется купить «Ундину и Синтрама», — с тоской произнесла Джо, которая более всего на свете любила книги.

— А мне нужны ноты, — призналась Бет и вздохнула так тихо, что вздох её услышали только кочерга да подставка для чайника.

— А я куплю коробку фаберовских цветных карандашей, — заявила Эми. — Они мне очень нужны.

— Но мама ничего не говорила о наших деньгах. Вряд ли она хочет, чтобы мы вообще от всего отказались. Хоть маленькие радости можно себе позволить? Нам ведь эти деньги не просто так достались! — с жаром произнесла Джо и тут же смутилась.

— Мне-то уж точно они достались не даром, — подхватила Мег. — Целыми днями учить этих кошмарных детей! Дома-то сидеть куда лучше!

— Всё это просто пустяки по сравнению с тем, каково приходится мне, — сказала Джо. — Посмотрела бы я, как вам

понравится сидеть целыми днями со взбалмошной старухой. Слушать её брюзжание, исполнять прихоти, а она вечно всем недовольна! Угодить ей просто невозможно. Она всё время меня пиявит. Так и хочется отхлестать её по щекам. Или самой выброситься в окно, чтобы никогда больше не видеть этой старой карги.

— Грех, конечно, жаловаться, но мне кажется, моя работа ещё хуже. Вас бы заставить мыть посуду и убираться! Знаете, как я устаю! И руки грубеют, я с трудом уже играю на рояле.

Бет грустно посмотрела на свои руки и громко вздохнула.

— Мне всё равно хуже! — воскликнула Эми. — Вам не надо ходить в школу. Над вами не издеваются эти мерзкие девчонки! Не выучу урок — они надсмеиваются! И над моими старыми платьями, и над нашим папой, раз он разорился. Они станут надсмеиваться даже над носом, если он им не понравится.

— Эми, — заметила со смехом Джо, — надо говорить не «надсмеиваются», а «насмехаются».

— Неважно, — отмахнулась Эми. — Ты ведь прекрасно поняла меня, так чего иронизировать? К тому же, — с важным видом добавила она, — новые слова расширяют кругозор.

— Да перестаньте вы препираться! О чём спорить? Конечно, лучше, если бы папа не разорился. Когда я была совсем маленькой, мы были богатыми. В те времена мы не думали ни о какой экономии, — вздохнула Мег.

— Ну да, а вчера ты говорила, что мы счастливее королевских детей. И что королевские дети, хоть и богатые, то и дело ссорятся и дерутся.

— Верно, Бет. Я не отказываюсь от своих слов. Конечно, нам приходится трудно. Но ведь мы и повеселиться умеем. Недаром же Джо прозвала нас весёлой компанией.

— Вот-вот, — осуждающе заметила Эми. — И откуда только Джо набралась этих словечек!

И она бросила укоризненный взгляд на длинноногую Джо, которая по-прежнему лежала, вытянувшись на ковре. Джо тут же села и принялась свистеть.

— Перестань свистеть, Джо! Ты ведёшь себя как мальчишка.

— А я и хочу вести себя как мальчишка.

— Терпеть этого не могу!

— А я терпеть не могу благовоспитанных кривляк.

— «Птенчики в гнезде воркуют», — пропела Бет и скорчила такую потешную рожицу, что спорщицы весело рассмеялись.

Бет всегда выступала в роли примирительницы.

— Должна заметить, дорогие мои, что вы обе не правы, — назидательно произнесла Мег. Она была самой старшей и чувствовала за собой право давать советы остальным. — Ты, Джозефина, уже достаточно большая. Пора оставить мальчишеские замашки и научиться вести себя прилично. Пока ты была маленькой, ещё куда ни шло. А сейчас посмотри, ты уже носишь причёску. И выглядишь как настоящая девушка.

— Никакая я не девушка! — упрямылась Джо. — А если всё дело в причёске, лучше уж я буду до двадцати лет носить косички. — Она сорвала с головы сетку, и каштановые волосы тут же разлетелись веером. — Противно думать, что я когда-нибудь превращусь во взрослую мисс Марч. Надену длинное платье и стану чопорной, как индюк. Мне и так не повезло. Угораздило же меня родиться девочкой, когда я так люблю играть в мальчишеские игры! Всю жизнь жалею, что я не мальчик. А теперь ещё больше. А то ушла бы воевать вместе с папой. Теперь вот сиди здесь и вяжи, точно древняя старуха!

Джо в сердцах так сильно встряхнула синий армейский носок, который вязала во время разговора, что спицы звякнули, а клубок шерсти покотился в угол.

— Бедная Джо! Наверное, тебе действительно не повезло. Но тут уж ничего не поделаешь, придётся довольствоваться прозвищем. Впрочем, если хочешь, мы готовы считать тебя старшим братом, — сказала Бет.

При этом она ласково поглаживала Джо по густой шевелюре, и та могла убедиться, что, несмотря на мытьё посуды, руки Бет остались по-прежнему нежными.

— Не могу похвалить и тебя, Эми, — продолжала Мег. — Ты впадаешь в другую крайность. Ты слишком чопорна и манерна. Пока это забавно, но если ты вовремя не остановишься, рискуешь превратиться в жеманную барышню. Как приятен человек,

хорошо воспитанный и умеющий изящно выражать свои мысли! Ты же словечка в простоте не скажешь! Поверь, высокопарные речи звучат не лучше мальчишеского жаргона Джо.

— Итак, Джо — «сорванец», Эми — «жеманная барышня». Ну а я кто, по-твоему? — спросила Бет, готовая выслушать свою долю наставлений.

— Ты у нас прелесть, — ласково ответила Мег.

Никто из сестёр не возразил. Бет, которую в семье звали Мышкой, была всеобщей любимицей.

А теперь, дорогие мои юные читатели, настало время хоть в общих чертах набросать портреты четырёх сестёр. Мы застали их декабрьским вечером за вязанием. В камине весело потрескивают дрова, а за окном идёт снег.

Комната, в которой расположились сёстры, обставлена самой простой мебелью, а ворс на ковре изрядно потёрт. И всё-таки здесь очень уютно. На стенах висят дорогие картины, в простенках высятся книжные полки, подоконники украшены хризантемами и рождественскими розами. Словом, по всему — настоящий семейный очаг.

Старшая сестра, шестнадцатилетняя Маргарет, очень хороша собой. Нежный овал лица, огромные глаза, красиво очерченный рот, густая шапка каштановых волос, красивые руки... Теперь вы представляете, что супруги Марч могут по праву гордиться своей старшей дочерью.

Джо, годом младше Мег, внешне являет полную ей противоположность. Высокая, худая, смуглая, она чем-то напоминает жеребёнка. Она положительно не знает, куда девать свои длинные руки и ноги, и кажется, что они ей вечно мешают. Линия рта свидетельствует о решительности характера. А серые глаза словно пронизывают собеседника насквозь. Глаза Джо выдают всё, что у неё на душе. И так как настроение у неё часто меняется, во взгляде можно прочесть то насмешку, то задумчивость, а порой и ярость. Густые длинные волосы — пожалуй, единственное украшение её внешности. Но Джо они мешают, и она забирает их под сетку.

Сейчас Джо в самом «неудачном» возрасте. Небрежность в одежде, неуклюжие движения — всё выдаёт в ней подростка,

который вот-вот превратится в девушку, но почему-то изо всех сил сопротивляется природе.

Элизабет, или, как все её называют, Бет, — ясноглазая тринадцатилетняя девочка. Розовощёкая, гладко причёсанная, говорит тихим голосом, удивительно миролюбива. Вот почему отец прозвал её Тихоней. Она действительно будто живёт в своём особом мирке и выходит из него только к тем, к кому питает любовь и уважение.

Эми, хоть и самая младшая, несомненно, обладает самым сильным характером, да и достаточно высоко себя ставит. Белолицая, стройная, голубоглазая, с золотистыми кудрями до плеч, она держит себя несколько чопорно и во всём старается походить на настоящую взрослую леди.

Когда часы пробили шесть вечера, Бет подмела золу перед очагом и поставила к огню старые тапочки. Увидев это, девочки приободрились: скоро вернётся Марми. Так сёстры называли свою мать.

Мег оставила поучения и зажгла лампу. Эми тотчас освободила кресло, а Джо, позабыв об усталости, встала с ковра и подвинула тапочки ближе к огню.

— Они совсем износились, — заметила она. — Марми давно пора купить новые.

— Пожалуй, я это сделаю на свой доллар, — отозвалась Бет.

— Нет, я! — воскликнула Эми.

— Вы забываете, кто тут старший, — возразила Мег, но Джо не дала ей договорить:

— Нет уж! Когда папа уходил на войну, он сказал, что, пока не вернётся, за мужчину в доме остаюсь я. Значит, и о маме в его отсутствие должна заботиться я. Так что новые тапочки — не ваша забота.

— Я предлагаю поступить так, — сказала Бет. — Себе мы в этот раз ничего покупать не будем. Купим что-нибудь маме.

— Наша Бет верна себе! — воскликнула Джо. — Но что же мы купим маме?

Девочки на минуту задумались. Первой нарушила молчание Мег. Поглядев на свои красивые руки, она вдруг поняла, какой подарок больше всего обрадует мать.

— Я куплю ей перчатки, — сказала она.

— А я — самые крепкие тапочки! — воскликнула Джо.

— А я куплю флакон любимых маминых духов. Они стоят недорого, и у меня останутся деньги, чтобы купить что-нибудь себе, — добавила Эми.

— А как мы всё это подарим? — поинтересовалась Мег.

— Разложим на столе, а потом позовём Марми — пусть разворачивает свёртки, как это делаем мы в дни рождения.

— Я помню мои дни рождения, когда я была маленькая, — призналась Бет. — Почему-то страшновато было сидеть в кресле с короной на голове! Вы несёте мне подарки, а я боюсь шевельнуться! А так хотелось скорее развернуть свёртки!

Говоря это, Бет поджаривала на огне хлеб. От огня щёчки её разругались.

— Пусть мама думает, что мы собираемся покупать подарки себе. Вот будет сюрприз! За покупками пойдём завтра днём, правильно, Мег? Ещё нам придётся повозиться с рождественским представлением, — сказала Джо, горделиво расхаживая по комнате.

— Наверное, это последнее рождественское представление, в котором я буду участвовать. Я ведь уже выросла, — с грустью заметила Мег, которая обожала игру с переодеванием.

— Перестань! И дальше будешь прекрасно играть, — сказала Джо. — Так я и поверила, что ты откажешься расхаживать по сцене с распущенными волосами и в белом платье с украшениями из золотой фольги. Ты у нас лучшая актриса! Без тебя не будет ни одного представления. Сегодня нам надо обязательно порепетировать. Ну-ка, Эми, попробуй ещё раз упасть в обморок. Прошлый раз у тебя неважно получилось. Ты была прямо как деревянная.

— Но что же мне делать? Я никогда не видела, как падают в обморок. А если упасть, как ты показываешь, набьёшь синяков. Можно мне не падать? Лучше опуститься в кресло. Пусть тогда этот Хуго грозит мне пистолетом сколько угодно, — возразила Эми.

В отличие от старшей сестры, у Эми не было никакого актёрского дарования. На роль в домашнем спектакле её выбрали

только за маленький рост и хрупкое телосложение. По ходу пьесы герою приходилось уносить её со сцены, и сёстры решили, что лучше Эми тут никого не придумаешь.

— Тогда попробуй так, — предложила Джо. — Заламывай руки и, шатаясь, неверными шагами направляйся в комнату. Кричи: «Родриго! На помощь! Спаси меня!»

Мольба о помощи в устах Джо прозвучала столь естественно, что сёстры поневоле вздрогнули.

Эми попыталась повторить, но у неё опять не вышло. Движения её отличались такой скованностью, а крик прозвучал столь неестественно, что в лучшем случае можно было подумать, будто она уколола палец булавкой. Во всяком случае, смертельной опасностью тут и не пахло.

Посмотрев на эти жалкие потуги, Джо застонала от бессилия, а Мег расхохоталась. Увлечённая репетицией, Бет забыла про хлеб, который жарила на огне, и гренки подгорели.

— Безнадёжно, — развела руками Джо. — Постарайся хоть во время спектакля сыграть получше. Но предупреждаю: если зрители тебя освищут, они будут правы. И я в этом не виновата. Теперь давай ты, Мег!

Дело пошло гораздо лучше. Дон Педро бросил миру вызов, текст которого занимал в пьесе целых две страницы. Несмотря на это, Джо, исполнявшая роль дон Педро, ни разу не сбилась. Колдунья Хагар произнесла заклинания над котелком с волшебным варевом. Родриго сорвал с себя оковы, а Хуго, отравленный мышьяком, забился в судорогах. Он несколько раз истошно выкрикнул: «Ха! Ха!», а затем скончался.

— Отлично, — похвалила Мег, когда умерщвлённый злодей, потирая ушибленный локоть, поднялся на ноги.

— Просто удивительно, Джо! — восхитилась Бет. — Ты сочиняешь такие отличные пьесы да ещё умудряешься здорово играть в них. Ты у нас просто Шекспир!

Добрая Бет обожала сестёр и была совершенно уверена, что все они по-своему гениальны.

— Ну уж, Шекспир, — заскромничала Джо. — Хотя эти «Проклятые колдуньи» действительно получились неплохо. А вообще-то мне очень хотелось бы сыграть леди Макбет. Жаль, у нас нет люка для Банко. Мне давно хочется поставить сцену убийства. «Не кинжал ли вижу я перед собой?» — продекламировала Джо, по примеру исполнителей трагических ролей закатывая глаза и ища руками опору в воздухе.

— Нет, это не кинжал! — со смехом воскликнула Мег. — Это всего лишь вилка для гренок, только вот не понимаю, почему на ней вместо хлеба мамина тапочка?

Тут все обратили внимание на Бет. Увлёкшись репетицией, она действительно зацепила вилкой для гренок тапочку да так и сидела с ней перед камином. Дружный смех привёл её в чувство.

— Рада, что вы так веселитесь, девочки! — раздался голос матери.

Актёры и зрители, которых воплощала Бет, тут же повернулись к двери. Там стояла добродушная женщина, от которой веяло любовью и готовностью прийти на помощь каждому, кто в этом нуждается. Мать девочек не отличалась особенной красотой. Но для дочерей мать всегда прекрасна, и девочки не сомневались, что под серым плащом и вышедшим из моды капором скрывается самая привлекательная женщина на свете.

— Ну, как провели день, мои милые? А вот нам пришлось туго. Срочно отправляли посылки на фронт, целый день упаковывали. Я даже вырваться домой пообедать не смогла. Кто-нибудь заходил, Бет? А как твой насморк, Мег? Джо, у тебя усталый вид. Ну-ка подойди ко мне, милая.

Продолжая задавать вопросы, в каждом из которых сквозила истинно материнская забота, миссис Марч сняла мокрый плащ и ботинки и надела тёплые тапочки. Устроившись в мягком кресле, она притянула к себе Эми и усадила её на колени. Сейчас для миссис Марч наступало самое счастливое время суток.

Девочки суетились вокруг матери, каждая на свой лад заботилась, чтобы ей было удобно и спокойно.

Джо принесла дров и, опрокидывая и громыхая всем, чего касалась, принялась расставлять стулья. Бет бесшумно сновала из комнаты в кухню. А Эми, сложа руки, распоряжалась сёстрами.

Когда они, наконец, уселись за стол, лицо миссис Марч просветлело, и она торжественно объявила:

— Похоже, у меня есть для вас сюрприз.

Сёстры не отрывали от матери глаз; Бет, забыв о том, что держит в руках горячие гренки, захлопала в ладоши, а Джо, подбрасывая в воздух салфетку, крикнула:

— Письмо! Письмо от папы! Ура в папину честь!

— Да, — подтвердила миссис Марч. — Папа прислал длинное письмо. Очень хорошие новости. Здоров. Папа зря опасался холодов, он легко переносит их. Папа поздравляет нас всех с Рождеством, а вам, девочки, вложил отдельную записку. — И миссис Марч похлопала себя по карману с таким видом, будто там хранились несметные богатства.

— Доедайте скорее. А ты, Эми, поменьше бы любовалась своими пальчиками и побыстрее бы ела, — возмутилась Джо, давясь чаем и роняя на ковёр гренок с маслом. Но сейчас было не до таких мелочей: ей не терпелось как можно скорее прочесть письмо.

У Бет от волнения пропал аппетит. Ей тоже не терпелось узнать, что пишет папа. Однако она не стала никого торопить. Устроившись в уголке, Бет терпеливо дожидалась, пока остальные допьют чай.

— Наверное, не каждый на папином месте пошёл бы на войну, — сказала Мег. — Ведь он уже не призывного возраста и имел полное право остаться дома. В особенности при его слабом здоровье. А он всё-таки пошёл полковым капелланом¹.

— Вот бы стать барабанщиком или санитаром! Тогда мы сейчас с папой были бы вместе! — мечтательно проговорила Джо.

— Как это, наверное, противно — спать в палатке, есть невкусную пищу и пить из оловянной кружки, — вздохнула Эми.

---

¹ Капеллан — священник в армии.

— Марми, а папа скоро вернётся? — спросила Бет, и голос её дрогнул.

— Через несколько месяцев, милая. Он намерен выполнить свой долг до конца — останется в армии, пока нужен. Нам не следует его торопить. А теперь слушайте письмо.

Все собрались у камина. Мать снова опустилась в большое мягкое кресло, Бет устроилась у её ног, Мег и Эми сели на поручни кресла, а Джо перегнулась через спинку. Это был хитрый манёвр, чтобы никто не заметил, если при чтении письма у неё выступят слёзы.

В те трудные для нашей страны времена фронтовые письма отличались такой искренностью, что их невозможно было читать без слёз. Но письмо мистера Марча было несколько иного рода. Он живописал особенности армейской жизни, военные походы и фронтовые новости. И лишь в конце письма, словно не в силах более сдерживаться, говорил о своей любви к дочерям, с которыми его разлучила война.

«Передай девочкам, что я их люблю. Расцелуй их от меня. Скажи, что я думаю о них днём, молюсь по ночам, а их привязанность ко мне — главное моё утешение. Когда я вспоминаю, что мне ещё год предстоит быть в разлуке с дочерьми, год этот кажется мне вечностью. Передай девочкам, что в дни разлуки мы можем трудиться, и тогда время ожидания пройдёт для нас не напрасно. Я не сомневаюсь: они помнят всё, о чём мы говорили. Я просил девочек быть особенно нежными с тобой, помнить о своём долге, бороться с тем, что мы с ними называли «внутренними врагами». Уверен: когда я вернусь, я смогу гордиться своими дочерьми больше прежнего».

Тут прослезилась все, и Джо не пришлось стыдиться того, что по её носу скатилась огромная слеза. А Эми совсем не тревожилась по поводу своих растрепавшихся кудрей. Она уткнула мокрое от слёз лицо в материнскую грудь и, всхлипывая, проговорила:

— Я знаю! Я слишком люблю себя! Но я постараюсь быть другой! Папа не разочаруется во мне.

— Мы все постараемся! — подхватила Мег. — Я, например, слишком обращаю внимание на свою внешность. И не люблю трудиться. Но я попробую взять себя в руки. Если, конечно, смогу.

— А я, как просил папа, постараюсь стать «маленькой женщиной», — сказала Джо. — Попробую быть помягче. И исполнять свой долг здесь, а не ждать неизвестно чего. Мне иногда кажется, что держать себя в руках дома куда труднее, чем сражаться с мятежниками на Юге.

Бет ничего не сказала. Она просто вытерла слёзы голубым носком, который вязала для солдат-северян, и снова взялась за спицы. Не придумывая себе других обязанностей, она попросту решила, что чем больше будет работать, тем сильнее обрадуется отец, когда вернётся домой.

— А помните, когда вы были совсем маленькие, вы играли в «Странствия пилигрима»? Как вы радовались, когда я вместо котомок привязывала вам на спину свои старые сумочки,

а на головы надевала шапки! Потом в одну руку вы брали по палке, а в другую — свиток бумаги. И пускались в странствие по дому. Начинали с подвала, это был Разрушенный город, и добирались до крыши — там у вас был Небесный град.

— Да, здорово! — тут же отозвалась Джо. — Мы проходили мимо Львов, вступали в битву с демоном бездны Аполлионом, а потом попадали в Долину гномов.

— А мне больше всего нравилось, когда мы сбрасывали с себя котомки, и они скатывались вниз по лестнице, — сказала Мег.

— А я всегда ждала, когда мы поднимемся на крышу. Там мы становились рядом между цветов, кустов и разных красивых вещей; нас освещало солнце, и мы пели хором.

— А я мало что помню про эту игру. Помню, как мне нравилось, когда мы забирались на крышу, ели пирог и запивали его сиропом. Жаль, что я уже выросла. Я бы с удовольствием поиграла в пилигримов, — сказала Эми, которая, едва ей исполнилось двенадцать, начала вполне серьезно утверждать, что пора уже ей оставить детские забавы.

— Ошибаешься, милая, — возразила миссис Марч. — В эту игру каждый человек играет до самой смерти. У каждого из нас есть свои ноши и дорога, а путь к Небесному граду безошибочно укажет нам стремление к добру и счастью. Пусть стремление это окажется сильнее невзгод и ошибок. Итак, дорогие мои, отчего бы вам снова не стать пилигримами? Только теперь не понарошку, а всерьёз. Интересно, каких успехов добьётся каждая из вас к папиному возвращению?

— Верно, мама. А где наши котомки? — осведомилась Эми, которая в силу своего возраста воспринимала всё слишком буквально.

— Ваши котомки? — отозвалась мать. — Но ведь вы только что признались, какие недостатки вас угнетают. Вот это и есть ваши котомки, ваша ноша. С ними и отправляйтесь в «Странствия пилигрима». А Бет молчит. Видно, её ничто не обременяет.

— Нет, мама. У меня есть своя ноша. Я не люблю мыть посуду и возиться с пыльными тряпками. Я завидую девочкам, у которых есть хорошие рояли. И ещё я боюсь посторонних людей.